

К политическим констелляциям метафизики Н. А. Бердяева

Д. А. Кузнецов

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Введение. Творчество русского мыслителя Николая Александровича Бердяева рассматривается в статье через призму так называемой *политической теологии*. Современная политическая теология, как западная, так и отечественная, прежде всего – историко-философская рефлексия, порой весьма любопытная, но вряд ли способная обеспечить глубокое понимание современных политических событий. В силу политизации общественной сферы последних лет, такой подход нельзя считать приемлемым. Автор статьи стремится реабилитировать политическую теологию в качестве актуального, эффективного междисциплинарного проекта.

Содержание. Рассматривается та часть наследия Бердяева, в которой философ методично исследует проявления религиозных, особенно – богословских структур в социально-политических практиках России XIX–XX вв. Выявляются структурные аналогии между его метафизикой и политическими принципами, преобладающими в современной России. Предлагается рассмотреть метафизические интуиции Бердяева в связке с теми актуальными социально-политическими проектами, которые только ждут своей реализации.

Выводы. Метафизика Николая Бердяева обладает высоким потенциалом для интерпретации текущих политических процессов в России и мире. Его оригинальная религиозно-философская концепция коррелирует с концепцией либерального консерватизма – доминирующей российской идеологии – поскольку обе, по мнению автора статьи, являются проявлением национального культурного самосознания.

Ключевые слова: Бердяев, история, либеральный консерватизм, многополярный мир, свобода, суверенная демократия, эсхатология.

Для цитирования: Кузнецов Д. А. К политическим констелляциям метафизики Н. А. Бердяева // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2024. – № 3. – С. 27–40. DOI: 10.35231/18186653_2024_3_27. EDN: WXKMBH

On the Political Constellations of N. A. Berdyaev's Metaphysics

Dmitrij A. Kuznetsov

*St. Petersburg State University,
Sankt-Peterburg, Russian Federation*

Introduction. The work of the Russian thinker Nikolaj Alexandrovich Berdyaev is considered in the article through the prism of the so-called *political theology*. Modern political theology, both Western and domestic, is primarily a historical and philosophical reflection, sometimes very curious, but hardly capable of providing a deep understanding of modern political events. Due to the politicization of the public sphere in recent years, this approach cannot be considered acceptable. The author of the article seeks to rehabilitate political theology as an actual, effective interdisciplinary project.

Content. The article considers that part of Berdyaev's legacy in which this philosopher methodically explores the manifestations of religious, especially theological structures in the socio-political practices of Russia in the 19–20 centuries. The structural analogies between his metaphysics and the political principles prevailing in modern Russia are revealed. It is proposed to consider Berdyaev's metaphysical intuitions in conjunction with those relevant socio-political projects that are just waiting to be implemented.

Conclusions. Nikolaj Berdyaev's metaphysics has a high potential for interpreting current political processes in Russia and the world. His original religious and philosophical concept correlates with the concept of liberal conservatism, the dominant Russian ideology, since both, according to the author of the article, are manifestations of national cultural identity.

Key words: Berdyaev, history, liberal conservatism, multipolar world, freedom, sovereign democracy, eschatology.

For citation: Kuznetsov, D. A. (2024) K politicheskim konstellyatsiyam metafiziki N. A. Berdyaeva [On the political constellations of N. A. Berdyaev's metaphysics]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*. No. 3. Pp. 27–40. (In Russian). DOI: 10.35231/18186653_2024_3_27. EDN: WXXMBH

Введение

В книге «Смысл истории» Н. А. Бердяев закладывает философскую базу для оригинального вектора социально-политической мысли. Он призывает сосредоточиться на религиозных аспектах философии истории. Его пафос направлен на осознание того, что священное *предание* задействовано не только в церковной истории, но и в истории как таковой, то есть по всей глубине всеобщего культурного процесса. Философ пестует роль *предания* как особого *argiori* любого серьёзного исторического исследования. Более того, он концептуализирует *историческое* в качестве базового онтологического аспекта (здесь напрашивается аналогия с *политическим* у Карла Шмитта), включенного в процессы метафизические, то есть тематизирующие вечность, равно как и события, явленные повседневным образом в рамках мировой истории. Тем самым, сама история выступает как духовная действительность. Событийность во времени наделяется статусом исторического, а значит – по Бердяеву – причастного к вечности.

Следует обратить внимание, что сама вечность у русского философа определяется как *процессуальная*. Это значит, что будущее открыто и свобода является действенной силой, несмотря на божественное провидение. История является динамическим процессом. В этом отношении Бердяев ориентируется на немецкую мистику, в частности на Якоба Бёме, а также на философию мифологии и философию откровения Фридриха Шеллинга с его «процессом внутри Божества», предшествующим Творению. Бердяев рассматривает метафизическую подоплёку истории в эсхатологическом ракурсе. Эсхатология является фундаментальной темой его философии, к которой он обращается на протяжении десятилетий на страницах своих многочисленных публикаций. Значительная часть его творчества пронизана убеждением, что «движение без перспективы конца, без эсхатологии не есть история, оно не имеет внутреннего плана, внутреннего смысла, внутреннего свершения» [3, с. 35]

Содержание исследования

На фоне историософского фундамента, который русский философ закладывает под свою политическую теологию, уместно рассмотреть конкретику – то есть, исследование Бердяевым

теологических аргументов и взглядов в истории политической мысли. Особое внимание здесь следует уделить тому, как Бердяев прослеживает присутствие мессианской идеи в русском интеллектуальном поле. С большой суггестивной силой, методично и последовательно мыслитель высвечивает связи, а также проводит необходимые различия между древнееврейской апокалиптикой, христианским мессианством и ключевыми общественно-политическими тенденциями рубежа XIX и XX веков. То, что можно назвать политической теологией, в значительном объёме присутствует у Бердяева в книге «Истоки и смысл русского коммунизма». Пристального внимания в этой книге удостоиваются мессианские истоки ряда известных течений русской политической мысли. Это не случайно. Предпосылка Бердяева к подобным наблюдениям заключается в том, что русскому психологическому типу, присущ ярко выраженный мессианский аспект. Бердяев рассматривает процесс его формирования в истории и таким образом легитимирует свой дискурс через распознавание исторической преемственности.

Бердяев предваряет свою теологическую экспансию в область политического, выстраивая образ русской души через призму мессианской идеи. Философ отмечает, что «воинствующий атеизм русских революционных, социалистических и анархических направлений был вывернутой наизнанку русской религиозностью, русской апокалиптикой» [2, с. 271]. Интересно, что кроме очевидных коннотаций с христианской апокалиптикой, автор проводит параллель с гностицизмом и его теорией дурного демиурга. Дело в том, что некоторые хорошо известные отечественные атеисты активировали парадоксальную опцию критики религии по линии критики Бога, то есть по сути они касались проблемы теодицеи, отвергая благость гипотетического Вседержителя. Конечно, с их стороны это был в большей степени риторический приём, иронический манёвр, чем искреннее желание погрузиться в вопросы теодицеи или акт почтения к теологии, но факт этого структурного наследования Бердяевым отмечен ясно и чётко. Он замечает, что «в русском атеизме были мотивы, свойственные Маркиону. Но Маркион думал, что Творец мира есть злой Бог, русские же атеисты в иной умственный век думали, что Бога совсем нет и, если бы он был, что он был бы злым Богом. Этот мотив был у Белинского. Бакунин

производит впечатление богоборца с мотивацией, родственной маркионизму. В Ленине это находит свое завершение» [2, с. 276].

Подобная неочевидная структурная параллель между гностицизмом и рядом политических идей и движений станет лейтмотивом знаменитой книги Эрика Фёгелина «Новая наука политики» [10]. В ней немецкий политический философ рассматривает гностическую христианскую ересь как фундаментальный порок мысли, распространившийся как на следующие после взлёта гностицизма этапы христианства, так и на принципиально нерелигиозные социальные движения, такие как фашизм и либерализм.

Любопытно, что самого Бердяева часто подвергали критике с православных позиций именно за его предполагаемый гностицизм. Виной тому – экзотичность его теологической позиции и, как следствие, её труднодоступность. Кратко говоря, мнимый «гнозис» Бердяева – это тот самый христианский мистицизм, основанный, как указано выше, на признании некой бездны в Боге. Важно, что речь у Бердяева, в отличие от классических гностиков, не идёт о двух богах, добром и злом, которым присущ равный сверхонтологический статус, ни даже об одном, но «немного злом», гневливом Боге, в духе Яхве Ветхого Завета. Мистическая концепция нетварной бездны – диспозитив за пределами определения доброго и злого (в этом заключается стихийное ницшеанство Бердяева, при всём различии этических установок русского и немецкого мыслителей), который коррелирует с гиперонтологическим позиционированием свободы, что в своих последствиях уводит дискурс в глубочайшую христологию, но также и возвращает его в область человеческого экзистирования.

Что касается усмотрения Бердяевым гностицизма в политической истории, то тут под удар русского философа в книге «Истоки и смысл русского коммунизма» попадает психический тип коммуниста, для которого мир «резко разделяется на два противоположных лагеря <...> царство света и царство тьмы без всяких оттенков». Прямым текстом Бердяев обвиняет коммунистов в «почти манихейском дуализме», которому «всё дозволено для истребления тёмного царства» [1, с. 410].

Далее, Бердяев уделяет внимание феномену аскезы в связи с социально-политическими движениями России XIX–XX вв.

Он отмечает аскезу нигилизма. Хорошо известно, что на русской земле нигилист Нечаев оказал значительное влияние на революционное движение. Философ Бердяев по этому поводу замечает, что нечаевский «Катехизис революционера» по жуткости напоминает вывороченную православную аскетику, смешанную с иезуитизмом, «это что-то вроде Исаака Сириянина и вместе с тем Игнатия Лойолы революционного социализма, предельная форма революционного аскетического мироотвержения, совершенной революционной отрешенности от мира» [2, с. 295]. По Бердяеву, нигилизм, отрицающий среди прочего Бога и душу, является религиозным феноменом, именно в качестве вывернутой наизнанку безблагодатной аскезы.

Подобный православной аскетике, нигилизм был индивидуалистическим движением, но также был направлен против творческой полноты и богатства человеческой индивидуальности. Нигилизм считает греховной роскошью не только искусство, метафизику, духовные ценности, но и религию [2, с. 279]. Перед нами очень характерный для всего творчества Бердяева упрёк, который можно встретить в некоторых его книгах и без привязки к нигилизму или другим мировоззрениям – просто в качестве критики аскетики и монашеского уклада как такового. Ведь для Николая Александровича реализация человеком своего творческого потенциала является первостепенной жизненной ценностью.

Наконец, Бердяев убедительно доказывает, что в марксизме в целом, и в русском коммунизме, в частности, ярко проявил себя отзвук древнееврейского мессианского хилиазма, ждущего прихода Мессии и установления под его началом земного царства. Это событие должно произойти в истории, а не за ее пределами. В этом принципиальное отличие еврейского мессианства от мессианства христианского – и это хорошо известный культурный факт. Заметим, что для самого Бердяева классическая христианская апокалиптика, хотя и служит своеобразной операционной системой, в которой работает его интеллект, всё же не является теоретической панацеей от вируса прогрессизма. Дело в том, что догмат о неизбежном Царствии Божьем грозит соблазном потери человеком экзистенциальной мотивации. Иными словами, новозаветное упование на Царствие Божье не гарантирует необходимости

свободы в жизни, а значит диалектическим образом ставит под сомнение её возможность, что уже привело в своё время к эксцессу кальвинизма. Здесь теолого-политическая позиция Бердяева однозначна: «активным субъектом, который освобождает человека от рабства и создаст лучшую жизнь, является пролетариат. Ему приписываются мессианские свойства, на него переносятся свойства избранного народа Божьего, он новый Израиль. Это есть секуляризация древнееврейского мессианского сознания» [2, с. 329].

Итак, мы рассмотрели политическую теологию Бердяева. Представляется, что для современности вполне уместна другая, более оригинальная и более актуальная политическая теология – не столько «от Бердяева», сколько «на основе Бердяева», как результат взвешенного применения теологических интуиций русского философа к нынешнему политическому ландшафту. Вывод, к которому мы пришли: оригинальная эсхатология Бердяева является метафизической почвой для идеологии так называемого *либерального консерватизма*, и вместе с тем – для того политического проекта, который В. Ю. Сурков назвал «суверенной демократией». В истории русской политической мысли эта линия отмечена такими знаковыми персонами, как Чичерин, Струве, Столыпин, Франк, Ильин.

В современной России, по мнению автора, это – курс Путина, путь мысли российского большинства, доминирующая в русском народном сознании идеология. При своем доминировании, она редко бывает артикулирована (в отличие от всего спектра радикальных догматических направлений, вроде социализма или либерализма). Виртуальное агрегатное состояние либерального консерватизма Николая Бердяева проявляется в современной России в принципиальном конституционном отказе от спускаемой сверху, насаждаемой идеологии. Бердяев пишет о том, что «в пределах самой мировой истории всякое принуждение и несвободное осуществление высшей Божьей воли и высшей Божьей правды Богу не нужно, что Богом должно быть отвергнуто и совершенствование человека как результат процессов необходимости, как принуждение. Все несвободное нежеланно для Бога» [2, с. 79].

Характерной чертой философии либерального консерватизма является попытка сочетать такие антиномические

ценности, как свобода и порядок, величие государства, его международный суверенитет и права человека, важность его индивидуальных проявлений. С. Л. Франк в «Духовных основах общества», ведя о речь о началах консерватизма и творческой инициативы в социально-политической сфере, манифестирует необходимость их согласования.

Теперь следует вновь задаться вопросом: на чём основана принципиальная роль эсхатологии Бердяева в актуальном политическом контексте? Что даёт нам право считать её матричным кодом российской суверенной демократии? Для должного понимания сравним в ключевых точках эсхатологию Бердяева и классическую христианскую эсхатологию. Зададимся вопросом: не рискует ли верующий христианин со своим чаянием неизбежного Царства Божия потерять мотивацию к действию в этом мире? Суд Божий грозит прежде всего карой за преступный грех, а не за отсутствие свободных поступков и решений. Бердяев в этом отношении резко смещает акценты. Он готов ввести в царство небесное всех грешников и тем самым является одним из сторонников апокатастасиса (всеобщего спасения) – то есть, приверженцем теологической линии, заданной ещё Оригеном. При этом русский философ яростно восстаёт в своём творчестве против пассивного ожидания исполнения пророчеств, против умаления творческих порывов, и как раз на этом строится его критика христианской аскетики.

Получается, человек может быть спокоен насчёт финального спасения всех, но он должен знать, что его сугубая экзистенция включена в «исполнение сроков», а значит является духовным долгом, той самой *свободой-для*, превосходящей мирскую *свободу-от*. Уместно вспомнить, что свобода у Бердяева является величиной, в философском отношении превышающей бытие, то есть «мир сей». Эта сила пронизывает все миры, все сущности и все сроки. Поэтому *долг-к-свободе* не может быть *противоречием-в-себе*, философским оксюмороном.

Будучи спроецирована в политический слой бытия, бердяевская теологическая модель из области мистического парадокса дрейфует в сторону рациональности и обеспечивает легитимацию актуального социально-политического контекста, то есть становится его базовым интертекстом. Упомянутая политическая модель «суверенной демократии», которая зиждет-

ся на идеологии либерального консерватизма, предполагает высокую степень гражданской, народной, «низовой» вовлечённости в развитие государства в целом. Осознать причастность всех этажей властной иерархии, от рядового избирателя до главы государства, к всеобщей стихии власти, смириться с её необходимостью, но ощутить в себе свободу и силу непосредственного влияния, политической включённости, и вместе с этим – осознать ответственность за судьбу страны.

Будучи этически ориентированным теологом, Николай Бердяев не позволяет себе пассивно ждать *второго пришествия*, при всей своей убеждённости во всеобщем спасении. И либеральный консерватизм проявляется в том, что политическое будущее страны не отдаётся целиком и полностью на откуп чиновникам. Существует узкий, догматически либеральный взгляд на политику, с его восприятием власти как служебного аппарата для исполнения человеческих свобод, желаний, и обеспечения общественной безопасности. Государство, с точки зрения либерала, выполняет пресловутую функцию ночного сторожа, функцию предохранителя от войны всех против всех. В свою очередь, с позиций догматического консерватизма, государство является абсолютным авторитетом и по сути, радикальный консерватор соглашается на тотальную диктатуру, и делегирует принятие всех важных решений высшим эшелонам власти. Обеим крайностям присуще одно – вольно-невольное дистанцирование от власти, восприятие социального мира как дуализма «власть-народ».

Современный политический философ и «умеренный консерватор» Ален де Бенуа в предисловии к своей книге «Карл Шмитт сегодня» утверждает, что гражданское и политическое общество должны совпадать и что «начало Конституций покоится не в общественном договоре, а в воле народа, существующего в качестве политического сообщества, желающего выступить учреждающей властью» [2, с. 15]. В суверенной демократии народ и чиновники не фигурируют как отдельные силы, они причастны одному делу, у них общая зона ответственности. Отсюда важность поддержки государством гражданских инициатив, отсюда самостоятельность населения, в деле поддержки армии, институт околофронтового волонтерства, организация «народного фронта», различные

гуманитарные миссии. Народный энтузиазм в нашей стране не навязывается властью и даже не инициируется ею, однако, что важно, поощряется. Суверенная демократия как политическая философия не стремится изолировать народ и в этом её отличие от всех видов тоталитаризма: социалистического, фашистского, либерального.

Традиционная христианская эсхатология – и за это её критикует Бердяев – откладывает момент триумфа в трансценденцию, то есть как бы в мир иной. На политическом уровне это можно мыслить как пассивную индивидуальную позицию человека, который отдаёт политическое на откуп бюрократии. Чиновничество в либеральном консерватизме – это не власть, а лишь, условно, более высокая – и в связи со своей высотой обремененная на большую ответственность – ступень власти.

Христианская эсхатология, в отличие от иудаистической, исходит из сознания обречённости этого мира и веры в необходимость его остановки – наступления Царства Божия. Можно, однако, усмотреть именно в бердяевской эсхатологии матричный код для политики умеренного консерватизма. И вот почему. Напомним, что эсхатологический дискурс Бердяева калибруется между двумя полярностями – абсолютной свободы и абсолютной неизбежности «конца света». Пафос свободы связывает божественный и человеческий планы бытия. Свобода, по Бердяеву, является основой бытия, его базовым откровением. Это значит, что проявления человеческой свободы неизбежно вплетены во всеобъемлющую сеть причин и следствий. Диалектика свободы и необходимости у русского философа – это хрупкий, тонкий, недвойственный мистический баланс. Историческое у Бердяева – не просто сущее среди сущего. Это своего рода *Dasein*. Политический спектр относится к историческому как часть к целому, причём часть наиболее наглядная и остро насущная. Следовательно, политическая сфера, по Бердяеву, неизбежно должна быть тронута трансцендентным, перейти в духовный план.

Политический аналог бердяевскому теологическому единению свободы и необходимости – единство власти и народа. Иначе говоря, политическая власть – онтологическая инстанция, покрывающая собой мирские иерархии и тем делающая насущным личный вклад субъекта-человека не просто в яв-

ленную историю, а в сокровенное чудо, в вечность небесного царства. Параллель в политике – вклад народа, гражданская инициатива в грядущий день победы, срок исполнения которого никому не ведом, фактичность которого не гарантирована, исходя из принципиальной непредсказуемости истории, но в который все русские патриоты, конечно же, стараются верить. Индивид ценен не своими желаниями, а своей судьбой, своим вкладом в победу и своей смертью. Онтологический статус человека превосходит его телесное бытие.

Ещё одним политическим контуром, в силовую цепь которого уместно подключить звено теологии Николая Бердяева, является геополитика. Если рассмотреть актуальную концепцию многополярного мира, то в качестве аватара из теологического среза реальности для неё может служить концепция Царствия Небесного. В таком случае актуальная геополитическая идея-страсть, идея-утопия о *плюриверсуме* становится тем трансцендентным, *имманентным-к-которому* становится русская империя, а в пределе – всякая суверенная цивилизация. Свобода народа начинает функционировать в рамках общечеловеческой гармонизирующей миссии. Тогда народы становятся свободными субъектами, вклад которых нужен и важен, его нельзя потерять, их идентичность нельзя упустить. Итак, многополярный мир как гармонизированная, обустроенная тотальность, в которой отдельные акторы – цивилизации – не теряют свою оригинальную самобытность, свой культурный уклад, подобен Царствию Небесному по Бердяеву. Русский философ усердно отмечал этическую необходимость сохранности в грядущей вечности каждой отдельной личности во всём её индивидуальном шарме. Таким образом, в качестве теологического кода эсхатология Бердяева может быть инсталлирована в операционную систему суверенной демократии.

Многополярный мир можно рассматривать как «новое начало». Мы живем во время, остающееся *до него*. Когда он наступит, мы не знаем. Мы должны не просто подготовиться, но и подготовить его. Империя (*Grossraum*, по К. Шмитту) отвечает *катехонической темпоральности*. Большое пространство Российской Федерации со своей цветущей сложностью легитимирует себя как модель, является структурным (не смысловым!) образцом грядущего многополярного мира.

Через работу со своим Grossraum, в том числе через интеграцию национальных областей, с сохранением их идентичностей, возникает реальная модель того планетарного порядка, которого чаёт молчаливое русское (пожалуй что, и мировое) большинство. Здесь уместна теологическая параллель с сотериологическим союзом, с его готовностью принять ответственность за судьбу другого. При этом снижается роль мессианского пафоса, который, в частности, проявляется в политике США, в навязывании своей внутренней идеологии, своей суверенной ценностной повестки другим государствам.

Выводы

Исследование структурных взаимосвязей между сферой сакрального и смысловым полем светской социально-политической мысли позволяет дистанцироваться от истории понятий и их «миграции» из религиозного в социальный (как было у Макса Вебера) или политико-правовой (как было у Карла Шмитта) контексты. Автору статьи ближе подход Данилевского и Шпенглера с их морфологией мировой истории, который можно охарактеризовать как *усмотрение морфологии мировых структур*. Мы исходим из той идеи, что ключевые проявления культуры, и в том числе богословие и политика, не столько фундируют друг друга, сколько являются неотъемлемыми слоями, планами бытия, в которых реализует себя всеобъемлющий мировой дух. Принципиальное отличие политической теологии (в нашей трактовке) от религиозно ориентированной социальной философии (которая есть у того же Бердяева) заключается в том, что она сохраняет дистанцию между иррациональными метафизическими интуициями и рациональными политическими теориями. Она не смешивает их, и всё же – сближает, координирует их в едином интеллектуальном поле. Политическая теология занята поиском структурных свойств в различных сферах реализации духа, и в отличие от религиозной социальной философии не смешивает сакральное с профанным, не выводит их в единый, гомогенный интеллектуальный план.

В первом приближении мы связали теологию Бердяева и политическую современность и тем самым интерпретировали его политическую философию как системный план мышления, переведя её из состояния виртуального рассеяния в модаль-

ность продуманного лада. Мы установили структурные аналогии между доминирующей в России политической философией и метафизическими импульсами знаменитого русского философа. Тем самым, мы пришли к выводу, что Н. А. Бердяев является не просто одной из крупных фигур русского «религиозного ренессанса» (что никем не оспаривается), а фигурой принципиальной. Его собственные социально-политические исследования в свете оригинальной эсхатологической модели, становятся чем-то большим, чем прекраснодушные пожелания об идеальном мироустройстве. С большей уверенностью мы можем констатировать принципиальное морфологическое сходство между буквой религиозно-философских текстов Николая Бердяева и духом актуального курса нынешнего российского политического руководства. Бердяев – это не просто политический теолог, не просто внимательный историк философии, он – самостоятельная теологическая величина. Русский философ должен быть оценен как создатель теологического кода, который эффективно корреспондирует с актуальным политическим планом нашей эпохи.

Список литературы

1. Бенуа А. Карл Шмитт сегодня. – М.: ИОИ, 2016. – 192 с.
2. Бердяев Н. Русская идея. Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: АСТ, 2020. – 416 с.
3. Бердяев Н. Смысл Истории. Новое Средневековье. – М.: Канон+, 2017. – 447 с.
4. Бердяев Н. Философия неравенства. – М.: Т8 RUGRAM, 2018. – 394 с.
5. Бердяев Н. Этюды о Якобе Бёме. – СПб.: Умозрение. – 72 с.
6. Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма / пер. с нем.: М. И. Левиной, П. П. Гайденко, А. Ф. Филиппова. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. – 656 с.
7. Лёвит К. Смысл в истории. Теологические предпосылки философии истории / пер. с англ. А. А. Саркисянца. – СПб.: Владимир Даль, 2021. – 509 с.
8. Струве П. Patriotica: Политика, культура, религия, социализм. – М.: Республика. 1997. – 527 с.
9. Сурков В. Тексты 97–07. – М.: Европа, 2008. – 110 с.
10. Таубес Я. Западная эсхатология / пер. с нем. А. П. Шурбелёва. – СПб.: Владимир Даль, 2023. – 427 с.
11. Фёгелин Э. Новая наука политики. Введение / пер. с англ. С. Н. Селивёрстова. – СПб.: Владимир Даль, 2021. – 372 с.
12. Франк С. Духовные основы общества. – М.: Республика, 1992. – 511 с.
13. Шеллинг Ф. В. Й. Философия откровения / пер. с нем. А. Л. Пестова. – СПб.: Умозрение, 2020. – 888 с.
14. Шмитт К. Диктатура / пер. с нем. Ю. Ю. Коринца. – СПб.: Наука, 2005. – 326 с.
15. Шмитт К. Политическая теология / пер. с нем. Ю. Ю. Коринца, А. Ф. Филиппова. – М.: Канон-Пресс-Ц., 2000. – 335 с.
16. Шмитт К. Понятие политического / пер. с нем. под ред. А. Ф. Филиппова. – СПб.: Наука, 2016. – 567 с.

References

1. Benua, A. (2016) *Karl Shmitt segodnya* [Carl Schmitt today]. Moskva: IOI. (In Russian).
2. Berdyaev, N. (2021) *Etudy o Yakobe Byome* [Sketches about Jacob Boehme]. Sankt-Peterburg: Umozrenie. (In Russian).
3. Berdyaev, N. (2018) *Filosofiya neravenstva* [Philosophy of inequality]. Moskva: T8RU-GRAM. (In Russian).
4. Berdyaev, N. (2020) *Russkaya ideya. Istoki i smysl russkogo kommunizma* [Russian idea. Origins and meaning of Russian communism]. Moskva: AST. (In Russian).
5. Berdyaev, N. (2017) *Smysl Istorii. Novoe Srednevekov'e* [The meaning of the history. New Middle Ages]. Moskva: Kanon+. (In Russian).
6. Frank, S. (1992) *Dukhovnye osnovy obshchestva* [Spiritual foundations of society]. Moskva: Respublika. (In Russian).
7. Fyogelin, E. (2021) *Novaya nauka politiki. Vvedenie* [The New Science of Politics. An Introduction]. Sankt-Peterburg: Vladimir Dal'. (In Russian).
8. Lyovit, K. (2021) *Smysl v istorii. Teologicheskie predposylki filosofii istorii* [Meaning in History. The theological Implications of the Philosophy of History]. Sankt-Peterburg: Vladimir Dal'. (In Russian).
9. Shelling, F. V. J. (2020) *Filosofiya otkroveniia* [Philosophy of revelation]. Sankt-Peterburg: Umozrenie. (In Russian).
10. Shmitt, K. (2005) *Diktatura* [The Dictatorship]. Sankt-Peterburg: Nauka. (In Russian).
11. Shmitt, K. (2000) *Politicheskaya teologiya* [Political theology]. Moskva: Kanon-Press. (In Russian).
12. Shmitt, K. (2016) *Ponyatie politicheskogo* [The Concept of Political]. Sankt-Peterburg: Nauka. (In Russian).
13. Struve, P. (1997) *Patriotica: Politika, kul'tura, religiya, sotsializm* [Patriotism: Politics, Culture, Religion, Socialism]. Moskva: Respublika. (In Russian).
14. Surkov, V. (2008) *Teksty 97–07* [Texts 97–07]. Moskva: Evropa. (In Russian).
15. Taubes, Y. (2023) *Zapadnaya eskhatologiya* [Western Eschatology]. Sankt-Peterburg: Vladimir Dal'. (In Russian).
16. Veber, M. (2013) *Izbrannoe: Protestantskaya etika i dukh kapitalizma* [Favorites: Protestant Ethics and the Spirit of Capitalism]. Moskva; Sankt-Peterburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. (In Russian).

Об авторе

Кузнецов Дмитрий Александрович, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация; ORCID ID: 0009-0002-1661-1685; e-mail: kuznetsow@vk.com

About the author

Dmitrij A. Kuznetsov, postgraduate student, St. Petersburg State University, Sankt-Peterburg, Russian Federation; ORCID ID: 0009-0002-1661-1685; e-mail: kuznetsow@vk.com

Поступила в редакцию: 06.05.2024

Принята к публикации: 27.06.2024

Опубликована: 17.09.2024

Received: 06 May 2024

Accepted: 27 June 2024

Published: 17 September 2024